

Подлежит возврату во
II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П3392

13 января 1937 г.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО: т. т. Андрееву, Ворошилову, Манову, Кагановичу, Калинину, Косиору Ст., Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутаку, Сталину, Чубарю, Эйхе.

Тов. Ежову.

Тов. Бухарину Н.И.

По поручению т. Сталина посыпается Вам заявление т. Бухарина Н.И. от 12 января 1937 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ: экз. № _____ на 17 листах.

ЗАМ. ЗАВ. ОС ЦК

15 Радек 13.1 1937 г. 22074 42 3
35 *Левин*
Протокол подписан всем членам и канд. ЦК, членам КПК и КСК.
Разделение 13.1 1937 г.
№ 23392
ЗАЯВЛЕНИЕ т. Н.И. ВУХАРИНА.

1. о показаниях Радека.

Я должен, прежде всего, дать общую характеристику показаниям Радека. Это - ультра-хитрая клевета, с фантазией, с продуманной (но не всегда, как увидим, удачной) логикой. Радек, очевидно, так привык к театральному действу, к игре какой-либо роли, что он и здесь входит в роль и быстро начинает изобретать "факты", "обстановку", "слова" и целые "концепции". Морально-политической оценки этой опасной стряпни я давать здесь не буду - она ясна и так.

1. Некоторые основные факты, о которых нужно помнить все время.

1) Фактом остается то, что в своих подробных предыдущих показаниях Радек ничего почти не говорил о правых. Я об этом написал. Теперь, очевидно, в связи с моими контр-показаниями, Радеку задают вопрос:

"Чем вы это об"ясняете"?

"Ответ": Во всяком случае не желанием скрыть существование организации правых" (стр1).

Ответ невразумительный. Теперь Радек "ухватился" за этот вопрос и начинает с охотой выдумывать, чтобы хоть как-нибудь искупить свою вину и разыграть искренность "до конца" за счет невинных людей.

2) Фактом остается то, что в предыдущих показаниях Радека никто из "правых" вообще, ни я - в частности ни в один ихний центр не входили. Об этом пункте в показаниях от 27-29.XII-36 опять ни слова.

3) Факт тот, что Радек посыпал свою жену, чтобы она сказала мне о его аресте и передала, чтобы я не верил никаким оговорам, и что он чист перед партией, как слеза (я об этом писал давным давно, и это можно было проверить пробным допросом Розы Радек, когда она еще не знала из газет о том, что Радек по существу уже признан виновным).

4) Наконец, факт тот, что Радек вдребезги провалился по вопросу о Сокольникове.

На этом пункте я, в интересах дела, должен остановиться более подробно.

П. Вопрос о Сокольникове и о достоверности радековских показаний.

а) Почему я не сказал Радеку ни об очной ставке с Сокольниковым, ни о содержании своего первого письма в Политбюро.

Ответ на этот "трудный" для Радека вопрос очень прост. Радеку я верил, ибо он втер мне очки своей "продуманной" партийностью. Но я считал, что раз дело поставлено, как формальное следствие, то было бы с моей стороны нелояльно и по отношению к партии, и по отношению к прокуратуре, об этом доводить до сведения другого подследственного. Я полагал, что это единственно-правильная и партийная позиция.

Если бы я был заговорщиком; если бы я был соучастником Радеков и К°, то я наверняка должен был бы ему рассказать о таком важном факте, важнейшем и существеннейшем, тем более, что Сокольников говорил о Радеке, как члене паралл.центра. Неужели это непонятно даже без всяких дальнейших пояснений?

б) Радек об этой очной ставке не знал (это он подтверждает сам).

Что же он поэтому врет? Он показывает:

"Правда, когда в газетах было напечатано сообщение Прокуратуры, реабилитирующее правых, Бухарин в разговоре со мной высказывал надежду, что он избегнет ответственности, поскольку кроме Каменева его видимо никто не разоблачил, но я и тогда с Бухарином не соглашался, обращал его внимание на формулировку - "отсутствие юридических данных" и указывал ему, что единственным шансом для него будет, если следственные органы не нашупают рядовых участников правых, либо если последние окажутся настолько стойкими, что его не выдадут".

Все это прекрасно для воображаемого разговора. Но ясно же видно, что Радек врет от начала до конца. Ибо:

1) Я не мог говорить, что меня якобы "выдал" только Каменев: на процессе обо мне говорили Каменев, Зиновьев, Рейнгольд. У них был явный клеветнический сговор. Но Радек об этом "запамятовал".

2) Я не мог говорить так и потому, что у меня была уже очная ставка с Сокольниковым. Но об этом Радек не знал (что он и сам подтверждает).

В действительности весь этот разговор и вся обстановка его были совершенно другими, т.е. было совсем не то, что сообщает Радек.

Дело было так. В день об"явления прокуратуры Радек просил меня через домработницу (которая разносila обеды или чай) к нему зайти. Я отказался, сказал, что, если хочет, пусть заходит сам. Тогда он - не помню как - известил меня,

- 4 -

что он болен, лежит и т.д. Я видел, что он обиделся, что он, вероятно, удручен тем, что нет его фамилии среди реабилитированных прокуратурой, мне стало его жаль и я пошел вместе со своей женой, Анной Лариной, к Радеку. Он лежал. Сколько него была Роза, его жена, и мы двое. Он спросил: "Ну, как "юридические данные"? Со временем Беккариа этого деления нет". Радек был очень удручен, и я его утешал тем, что он, очевидно, идет по другой линии, что поэтому его нет в заявлении прокуратуры и т.д. В это время вошла Барская, приятельница Радека. Тогда Радек сказал: "Женщины, уйдите на минутку", и когда они ушли, он сказал мне: "посмотри, в "Правде" напечатали целую статью только для того, чтобы показать, что покушения были и на Молотова" (он мне даже по телефону в день моего приезда из Азии, обясняя показания Каменева, говорил что это - хитрая диверсия и что даже обекты покушений названы Каменевым и др. с хитростью, с тайной спекуляцией на якобы имеющиеся в ПВ группировки, о чем было в ино печати). Этот разговор продолжался пять минут. Потом вошла моя жена и мы вскоре ушли домой. Все же, что сообщает Радек, выдумано от начала до конца: ни о Рютине, ни о Слепкове-Марецком, ни о чем прочем я вовсе с ним не говорил, да и времени то на это не было.

Я Радека добросовестно утешал. В этом был смысл пресловутого разговора. Я то думал, что Радек так же оговорен, как и я. Поэтому я и заступался за него, несмотря на то, что так теперь обычно не поступают.

Я никогда не спрашивал Радека (см. стр. 26), вызывали ли его в ЦК или нет. Наоборот, сам Радек рассказал мне, что его

- 5 -

вызывал т.Ежов, поправлял ему статью и советовал заботиться о своем здоровье; что потом его вызывал т.Таль и заказывал ему статью о международном положении, но что эта статья, ввиду сложности положения (международного) не пошла, а была использована "Правдой" в редакционной статье без подписи.

III. О злодейском убийстве тов. С. М. Кирова и еще раз о достоверности радековских показаний.

Здесь, в этом трагическом пункте, Радек выдумывает целую подлую версию о том, как мы якобы с ним советовались, делали выводы, как я якобы сообщал об установках "правых", как предлагал либо ликвидировать террор либо усилить и т.д. и т.п. (см. стр. 15-17).

Но здесь Радек проваливается в своем диком вранье, спотыкаясь на апельсинной корке.

Он показывает, что на четвертый день после убийства С.М. он, Радек, остался впервые со мной наедине, после чего и состоялись вышеупомянутые разговоры. При этом он сообщает:

"Фамилии Николаев ни я, ни Бухарин не знали, но так как к этому времени нам уже было известно, что он член партии, мы были уверены, что это - участник одной из террористических групп троцкистско-зиновьевской организации, либо организации правых" (стр. 15). И на стр. 16, когда Радек "об"ясняет ", почему он не знал Николаева, он добавляет:

"Очевидно аналогичное положение было и у Бухарина, почему он в разговоре со мной и допустил даже, что убийство совершено участником организации правых".

В связи с этим негодяй показывает, что я де передавал тут же мнение Томского и Рыкова: за террор без колебаний.

Все построено неискусно и валится вот почему:

Я на второй, если не ошибаюсь, день знал о том, что Николаев-зиновьевец: и фамилию, и зиновьевскую марку сообщил мне тов. Сталин, когда вызвал в ПВ. А этого Радек не знал. Поэтому он врет про меня, что я не знал, и поэтому ему Радеку, говорил, что это, возможно, был правый!! А отсюда легкий переход - к Рыкову, правому "центру" и т.д.

Вот как делаются показания!

Вот как пытаются подлецы чернить честных людей!

11. "Беседа" 1934 года (стр. 6 и след.).

Вся эта "беседа" выдумана от начала до конца. Этот разговор "на чистоту" есть свидетельство невероятной грязи Радека. Радек сообщает, что я, Бухарин, ему "подтвердил", что

"Томский, Рыков, Угланов и он - Бухарин - сохранили организацию, в которую входит (слушайте!!) ряд бывших деятелей профдвижения и хозяйственников и что организация считает необходимым вести борьбу против руководства ВКП(б) всеми средствами, вплоть до террористических" (стр. 6).

Против этого я выставляю такие доводы:

1) Угланова вообще в Москве не было, и я не знаю, где он находился;

2) в 1934 г. я с Томским и Рыковым не встречались, никакой организации не было и быть не могло: втроем мы не встречались после январского пленума 1933 года, а "тройка" прекратила свое существование еще после нашего заявления;

3) что это за профсоюзники и хозяйственники? Кто? Почему ни один не назван?

Пункт второй можно материально проверить, как я об этом не однократно писал и говорил.

Далее, Радек рассказывает, якобы с моих слов, что мне, после ареста Цетлина, Слепкова и Марецкого (кстати, он, очевидно, не знал, что Цетлин был скоро выпущен) удалось навербовать "принципиально твердые" кадры, да еще долженствовавшие действовать с оружием, среди научных работников Ленинграда.

На что "опирается" здесь Радек? Я ему после предпоследнего пленума ЦК рассказал о докладе тов. Ягода и об арестах в Академии, в том числе и в моем Институте. Рассказал, между прочим, вот в какой связи: меня эти аресты, в особенности Бусыгина и Кошелева, очень поразили. Я, ведь, никакой общей картины перед собой не имел и иметь не мог. Про Бусыгина и Кржижановский говорил мне, что даже Волынский считает его случайно арестованным. Мы очень удивлялись этому. Я тогда все думал, написать мне в ЦК или нет, заступаться или нет: ведь, дело шло об ужасных обвинениях, а люди как будто совсем другие. Я об этих колебаниях и говорил Радеку - отсюда он слышал фамилии Бусыгина и Кошелева, этим он и воспользовался для своей гнусной стряпни. Никогда я не говорил Радеку про Бусыгина и Кошелева, как про правых. А что касается якобы навербованных мной, то кто же они, эти навербованные? Арестованные троцкисты что ли? Я, выходит, вербовал, вместо Радека и К°, троцкистов? Николаева Радек подкидывает "правым", а здесь подкидывает - троцкистов. Это - тоже тактика. Предположим, однако, что это какие-то другие люди. Хорошо. Но кто же они? Кто их знает? Как их фамилии? Таких нет в природе.

В Ленинград я ездил не "под видом" служебных дел, а потому, что принимал деятельное участие в работе Академии

Наук, читал неоднократно доклады и вел разную работу. Всем это было отлично известно. О террористической деятельности (или даже установках) Сленкова-Марецкого я впервые услышал теперь, и мне об этом равно ничего не было известно. Но в показаниях Радека есть своя (лживая) логика: он не знает, как позорно он провалился на Николаеве, когда наврал про меня, будто я предполагал, что С.М.Кирова убил правый. Отсюда у него нити во все стороны: я де вербовал правых террористов и т.д. и т.п.

Гнусно, подло, мерзко. Падаль смердящая!

У. Большая политика и Конституция.

Я прошу товарищей вспомнить один эпизод на пленуме Конституционной Комиссии: все, вероятно, вспомнят, что когда Радек сделал предложение о праве каждого выставлять кандидатуры, я чуть ли не три раза возражал против этого предложения и, в значительной мере, способствовал его провалу.

Теперь это предложение Радека понятно во всей его троцкистской красе.

Но прошу подумать: если бы я был единомышленником Радека, если бы я вообще не стоял на партийной позиции, то кто тянул меня за язык? Зачем мне нужно было возражать? Для чего портить дело Радеку?

Это абсолютно непонятно (а это вещь очень большая), если думать, предполагать, что я - против партии. Тогда это - необъяснимо, это - чудо.

А это вовсе не чудо. Я защищал интересы партии против Радека, хотя и не подозревал его в коварстве и потере всего человеческого.

Этот эпизод бросает свет на все рассказы Радека о моей якобы установке на пораженчество. Вообще есть хорошая французская поговорка: Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает. Радек же перешел буквально все границы лжи: это безбрежный океан мерзости.

Если уже говорить о политических больших линиях, то я не раз говорил Радеку, что все произошло как раз обратно тому, что предсказывала "теория" Троцкого.

Троцкий утверждал, что мы погибнем без государственной помощи зап.-европ.пролетариата.

А на деле скорее вышло так, что без нашей госуд.помощи трудно будет победить западно-европейскому пролетариату (одну такую статью я - со всеми дипломатическими резервациями - даже напечатал).

Но самое интересное, что Радек со мной соглашался!

Может, я ему говорил это "для конспирации"?

Может, я выступал против него в Констит.Комиссии "для конспирации"?

Может, троцкисты хотели меня в Париже угробить "для конспирации"?

Может, я не сказал об очной ставке с Сок-ым "для конспирации"?

И может неубедителен провал Радека на Сокольникове и Николаеве?

Нет, тут система гнусной лжи, небывалой еще в истории, лжи, вполне достойной этих смердящих троцкистских псов.

У1. О Бауме, о Дане, о Мрачковском.

Однажды, когда я сидел, действительно (тут Радек прав) чуть ли не без рубашки у него на веранде, приехало трое немцев, в том числе два профессора, как мне сказал тогда Радек. Я не особенно удивился: Радек устраивал у себя на квартире прием Буллиту, постоянно вращался в дипломатических кругах и т.д. Что здесь я видел?

Первое то, что Радек (теперь я убежден, что это делалось для меня, чтобы я видел, какой Радек "революционер") разыграл сцену прямого нападения на Гитлера, я в этом действительно Радека поддержал. Но так как я, несмотря на всю свою буршкозность, все же, между прочим, не привык быть в дипломатической среде без рубашки, да и мне нужно было уходить, я после этого эпизода ушел, а немцы остались. Никогда после этого Радек к этому разговору не возвращался и ни о каких своих "зондацах" не говорил.

Что касается Дана, то я Радеку, как и другим, рассказывал, что мне пришлось видеться в Париже с Даном (он был в Комиссии П Интернационала), как курьез своего рода. А что он из этого сделал?..

Что до этого пункта по существу, то я утверждаю: все (2 или 3 - не помню) раза я виделся с Даном в присутствии моих товарищей по делегации и, надеюсь, не плохо с Даном торговался, по поручению нашего ЦК. Вообще же думаю, что можно узнать у наших разведчиков в Париже, взяв с них слово, что они будут говорить только правду, что больше я ни с каким Даном не виделся. Нужно быть Радеком, чтобы выдумывать то, что он налгал, от сои в Венгрии до "организованного капитализма" (стр.20).

О Мрачковском я писал еще в первом письме в ЦК ВКП(б): я приехал на кв. Радека, чтобы прочесть ему статью. Застал там Мрачковского. Статью я прочитал при нем. Он сказал вообще может быть три слова и быстро ушел. Радек потом ругался, что его впустили и сказал, что он велел своей жене больше его не принимать. Вот все что было, и ни грамма больше.

УП. О войне и т.д.

Все концепции, развивающие Радеком от моего имени, выдуманы автором показаний, Радеком. Никогда я ему ни о пораженчестве, ни о блоках, ни о терроре, ни о чем подобном не говорил, да и он мне ни о чем подобном не заикался (я бы ему показал!) Мы оба говорили, что мы победим неизбежно, сходились на том, что в Сталине - одна из важнейших гарантий победы и т.д. (он прямо говорил: "9/10 победы"). Во всех разговорах со мной Радек, во всех вопросах, подходил с партийной точки зрения (т.е. маскировался под партийного).

Дикой чушью является утверждение, что (стр.13) "центр организации правых после прихода к власти Гитлера многократно(!!!) обсуждал создавшуюся обстановку и т.д. и т.п." и стоял на пораженческой точке зрения.

Где это он обсуждал? Да еще "многократно"!?

Наоборот, я заявляю, что даже тогда, когда я был действительно, в оппозиции (т.е. в 28/29 г.), я и мои тогдашние единомышленники стояли за безусловную и безоговорочную поддержку ЦК в войне.

Радеки лгут, меряя все на свой подлый, изменнический аршин!

Разумеется, когда клеветник говорит, что он слышал от меня то-то и то-то, и что при этом никого не было, то опровергнуть его трудно. Именно поэтому я обращаю особое внимание на пункты, где клеветническая безбрежная фантазия натыкается на преграды, о которых клеветник не мог подозревать, и рушится:

таков пункт об очной ставке с Сокольниковым,
таков еще более яркий пункт, имеющий колossalное
значение, о Николаеве.

Т.к. Радек передо мной замечательно маскировался под партийца, то мне трудно его разоблачать. Я вспоминаю лишь, что он мне говорил о приглашениях его в разные военные школы, о докладах в Горьком и, кажется, в Туле и Калинине (точно не помню). Эту его "работу" нужно было бы проверить.

П. О ПОКАЗАНИЯХ Е. ЦЕТЛИНА.

Если в показаниях Радека видна ловкая бессовестность, то в показаниях Цетлина — злобление, бред и сумбур, при крайней неловкости всего построения, поистине шитого белыми нитками. Это злобление сквозит во всем документе. Я буду останавливаться на наиболее существенных моментах и основных клеветах.

Должен предварительно заметить, что Цетлин был человеком, который давно настаивал, чтобы я резко порвал с "молодыми", тогда как я думал, что дело обойдется и они постепенно целиком придут к партии. А теперь Цетлин и про себя говорит вещи, которые я в первый раз слышу. Но, повторяю, весь документ составлен настолько возмутительно лживо, что наводит

на размышления о том, что, м.б., Цетлин просто невменяем.

1. Факты начального периода.

1. "Состав школы"(стр.2). Почему то Е.Цетлин пропускает А.Стецкого, К. Розенталя, Вал.Ив.Межлаука, если быть точным относительно состава ее в начальный период.

2. Функции "школы". Цетлин все же не говорит, что группа была официально утверждена при ЦК, что ее участники помогали в свое время партии, выполняли ряд партийных поручений, в том числе и в подготовке с"ездовских резолюций.

3. Об отношении моем к группе. Я много грешил здесь. Об этом писал тов.Сталину и своей ответственности за прошлое не снимаю. Однако, должен все же напомнить, что когда т.Сталин выставил несколько кандидатур из этой молодежи в ЦК, я высказался против, что и было принято. Но замкнутость группы и балованность ее (моя вина) - факт.

4. 1924-25 г.г. Цетлин утверждает, что "с 1924-25 г.г. в среде бухаринской "школы" определилось резкое критическое антипартийное отношение к руководству ВКП(б)" и т.д. Это явный вздор, ибо тогда у меня не было никаких разногласий(ведь, в конце 1925 г. был еще только X1У с"езд партии!!). В 1924 г. была XIII конференция, момент горячей совместной борьбы против Троцкого! Цетдин все путает и хочет меня записать в оппозиционеры со дня рождения! Это тем более странно, что сам Ц. вступил в группу только в 1926 г., по его же словам (да и фактически).

5. В 1929 г.(стр.3). Смирнов ("Фома", Алекс.Петр.) никогда не был близок к"тройке" 1929 года (Бух.,Рыков,Томский). В самом

начале оппозиции он меня даже уговаривал не выступать на ЦК (на одном из пленумов). Он держался особняком и в стороне.

6. 1929 г. (стр.4). Я в это время боялся крестьянских восстаний, а не ставил ставку на эти восстания. Из-за этого же ("паника") я и проповедывал оппортунистические уступки мужику, чтобы предупредить возможные волнения. Фактами я, разумеется интересовался, но не ради ставки, а ради совсем других целей. В частности, напоминаю свой рассказ о докладе мне в ГПУ, где был и Цетлин: вся оппозиция моя началась после того, как мне в ГПУ рассказали о положении в деревне.

П. Эпопея с "эсерами".

После этих мелких замечаний перехожу к пункту, о котором приходится слышать тоже в первый раз.

С конца 4 стр. и дальше говорится о совещаниях в пользу блока с эсерами и о практических результатах этих совещаний. Начну с последнего. Вот что показывает Цетлин:

"Я должен сказать, что уже в октябре 1932 г. Бух. сообщил мне, что по вопросу о контакте с эсерами он говорил с Рыковым и Томским, и что этот вопрос не только получил положительное разрешение, но был признан одним из наиболее актуальных. Тогда же в октябре 1932 года по предложению т. Бухарина было приступлено к практическим переговорам с лидерами эсеров, бывшими членами ЦК. Эти переговоры велись по нескольким линиям.

Вопрос: По каким линиям?

Ответ: Слепкову было поручено Бухарином выяснить состояние эсеровской ссылки и место нахождения цекистов Гоца, Тимофеева и М. Спириidonовой".

Пока довольно.

Итак, уже (заметьте "уже!") в октябре 1932 г. Бухарин сообщил якобы о договоренности с Рыковым и Томским на предмет эсеров.

После этого ("тогда же в октябре", очевидно, уже не в первых числах октября) я, Бухарин, по словам Цетлина, поручаю Слепкову связаться с эсерами.

Но беда Цетлина в том, что Слепков и др. были арестованы гораздо раньше! Они были арестованы до пленума ЦК. А пленум ЦК происходил 28 сент.-2 окт.! Я приехал после пленума (из отпуска), когда Слепков и прочие сидели. Как же это я мог ему давать поручения об эсерах? И вообще какие бы то ни было поручения? Цетлин явно заврался (если, повторяю, он не нервно болен и не невменяем).

Это же все - оголтелое вранье, которое рушится при первом сопоставлении с непререкаемыми фактами.

Я поручал через Семенова "вступить в переговоры с Тимофеевым и Спиридоновой" (стр.7) - значится в показаниях Цетлина. И эта ложь шита белыми нитками: во-первых, Семенов был ненавидим правыми эсерами, они его считали большевистским провокатором, ведь он их громил на суде; во-вторых, ведь всякий в те времена знал, что Спиридонова уже была психически больна (по просту сумашедшая) в третьих, выражение "декисти Гоц, Тимофеев и М. Спиридонова" просто неграмотно (это же разные партии!).

Но особенно, конечно, обращает на себя внимание тот "факт", что я поручаю важные дела блока с эсерами (выдуманного в показаниях) Слепкову после его ареста!

Цетлину задают вопрос:

"О каком Семенове идет речь?"

Ответ: Семенов - бывший руководитель боевой организации эсеров, осуществивший террористическое покушение на Ленина, а также убийство Урицкого и Володарского" (стр.8).

- 16 -

На стр.9 "вопрос" тов.следователя формулирован так:

"Какие еще подробности о характере связи Бухарина с эсером Семеновым вам известны?"

По этому поводу можно только возмутиться. Здесь умолчано о том, что Семенов был коммунистом, членом партии.

На Ленина покушалась Каплан, Урицкого убил Канегиссер, Володарского - не помню кто. Семенова я защищал по постановлению ЦК партии. Партия наша считала, что Семенов оказал ей большие услуги, приняла его в число своих членов. Но я встречал Семенова крайне редко и случайно, и никаких вообще поручений ему не давал, а что до террора, то повторяю, я с возмущением и негодованием отвергаю всякие разговоры на этот счет.

Далее, на стр.8, Цетлин продолжает:

"Кто персонально вел переговоры с Гоцем и Тимофеевым, я не знаю, могу лишь сообщить, что переговоры Слепкова (арестованного!) и Смирнова А.П. с эсерами Гоцем и Тимофеевым велись через ряд посредствующих звеньев, состоявших из тщательно проверенных людей.

Вопрос: Кто эти посредствующие звенья?

Ответ: Они мне неизвестны. Знаю только, что эти переговоры велись в октябре-декабре 1932 г." (далее сообщается, что цель была достигнута).

Здесь опять полно белых ниток. Во-первых, Слепков фигурирует уже даже в декабре (а сидел он уже в сентябре!). Но он все же, оказывается, цели "достиг"!!! Во-вторых, как же это Цетлин не знает, что за звенья? Ведь Цетлин был самым близким мне человеком, замом, и секретарем. Уж ему то знать было - первое дело, если б что-либо было. Но он назвать здесь ничего не может, потому что все это - миф. В-третьих, кто же "тщательно проверял" людей? Слепков, который сидел? Или кто? Или я, который якобы поручал Семенову совершать

терр.акты и извещал об этом Цетлина (стр.9), но "звеньев" ему не доверял? Со Смирновым я ни разу ни о каких эсерах не говорил. Какой сущий вздор! Какая наглая и циничная ложь! (Или бред?).

III. ПРАВЫЕ И ТРОЦКИСТЫ.

Цетлин сообщает:

"Мне известно, что, начиная с 1929 г. центр нашей организации в лице Бухарина, наладил прочный организационно-политический контакт с троцкистами, в лице Пятакова и зиновьевцами в лице Каменева, Зиновьева и Сокольникова... Начало этому было положено совещанием, состоявшимся в Кремлевской больнице в 1928 году, во время болезни Пятакова". (стр.14) Это то самое свиданье, когда я прочитал "платформу", а Пятаков о ней сообщил, а я про это вскоре узнал. Это - начало "тесного контакта". Вранье № 1.

На следующей (15 стр.) говорится:

"В конце того же 1932 года Бухарин сообщил мне, что наша организация находится накануне больших событий, так как в результате состоявшегося об"единения троцкистов, зиновьевцев и правых, предполагается повсеместная активизация борьбы и что в недалеком будущем мы придем к власти". И тут же снова о терроре.

Вдумаемся в дело. Поздним летом 1932 г. арестована вся "наша организация" ("молодежь"), арестованы рютинцы, выслан (повидимому) Угланов - а "наша организация" "находится на-
кануне больших событий". Да кто же это такие? Ведь, нужно же знать меру во вранье! Повторяю здесь еще раз: мне неизвестно, были ли связаны слепковцы с рютинцами (мне известны толь-

- 18 -

ко партрешения, а не я сам знал). Но все это может относиться ко времени до ареста этих людей. А Цетлин говорит о "ноябре или декабре 1932 года"! (см.стр.15, строка 12 сверху). Вранье, явное, № 2.

Далее. На той же 15 странице говорится, что переговоры "в конце 1932 г." велись Бухарином и Томским с Каменевым, Сокольниковым, а также с Радеком и Пятаковым".

Опять вспомним (непреложные факты). Постановлением ЦКК ВКП(б) от 9 октября 1932 г. Зиновьев и Каменев были исключены из партии. Затем они были высланы из Москвы. А Цетлин,ничто же сумняшеся, говорит о свиданиях на квартире Бухарина и на даче Томского. Это он говорит не о 1929 году, а о конце 1932, когда Зин. и Каменев были, повторю, исключены и высланы! Радек показывает, что он вошел в связь со мной на предмет контр-революции только в 1934 году (тоже вранье, но другое, и это, радековское, вранье, исключает вранье цетлинновское и наоборот). Куча вранья № 3.

Далее, на стр.16, сообщается, что опять таки "в конце 1932 года" состоялось террористическое совещание на квартире Астрова, где я, Бухарин, будто бы произнес контр-революционную речь лично против Сталина.

И здесь то же. Ведь к концу 32 года весь "актив" сидел арестованным. Как же он мог быть у Астрова? Вранье № 4.

11. ВОКРУГ РЮТИНСКОЙ ПЛАТФОРМЫ.

Здесь точно так же целый воз несусветного лганья. Разберем по пунктам.

Во-1) Цетлин утверждает, что он сам платформы не читал, а знает о ней и о ее содержании лишь с моих, Бухарина,

слов. Это для всякого, знавшего наши отношения, звучит, как злостная неправда. Всё шло от меня через руки "Ефима".

Если бы у меня была бы платформа, она не могла бы миновать рук Ефима. Но ее у меня не было.

Во-2) Вопрос о сроках. До моего отъезда в отпуск в Среднюю Азию не было никаких слухов ни о какой рютинской платформе. Я приехал из отпуска 6 октября (Ефим был в это время в Москве). К этому времени слепковцы и рютины уже сидели арестованными. Когда же я и др. "одобряли" еще не пущенный в оборот документ? И как же это, если он проходил через стадик "одобрения", его не видел Цетлин?

В-3) Цетлин утверждает, что он обратился ко мне с вопросом, почему платформа (стр. 17 его показаний) выпущена, как рютинская, как групповая, на что я де ему ответил, что это - в целях конспирации. Не ставя вопроса о достоинстве самого ответа, я ставлю другой вопрос: кто знал наши отношения, тот никогда не поверит, чтобы Цетлин меня спрашивал якобы, не будучи никак в курсе дела. Если бы действительно я знал о платформе, ее одобрил и т.д., то первым советчиком, как выпускать и т.д., был бы Ефим. Но этого ничего не было вообще.

Повторяю здесь то же, что говорил раньше: я рютинскую платформу видел только в ЦК, когда мне ее показал Сталин. Если бы я был против партии, я сам бы писал платформу, а не ходил бы по рютинской. Рютина я видел только в самом начале оппозиции, потом он отошел и исчез, и я ни разу его нигде не видел и никаких "указаний" ему давать не мог.

- 20 -

У. О ПЛАТФОРМЕ 1928 года.

Верно, что я был в больнице у Пятакова.

Верно, что там сидел Каменев.

Неверно, что было "совещание".

Верно, что я прочитал платформу.

Факт, что Пятаков об этом сообщил в ЦК.

Факт, что я (при обсуждении вопроса в ПБ) это узнал по некоторым специфическим выражениям.

На этом "платформа" приказала долго жить.

Тов.следователь задает Цетлину (стр.18) вопрос:

"В каком количестве экземпляров была размножена эта платформа? Была ли она распространена?"

Ответ: Платформа не была размножена из соображений конспирации".

Я ни в малой степени не собираюсь прикрывать грехи 1928/29 годов. Но я должен сказать, что платформа, которая никак не распространяется, фактически есть нуль. Но это - 1928 г.

У1. ЕЩЕ РАЗ ТЕРРОР, ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ И ПРОЧИЕ
БРЕДНИ, КУЗЬМИН, САПОЖНИКОВ и т.д.

Ликой клеветой является вся выдумка о терроризме чуть ли не всех участников группы, да еще относимом к весне 1929 г.(стр.11). Я узнал о каких-то бывших разговорчиках 1) из показаний арестованных (речь шла, если не ошибаюсь, о В.Кузьмине) и 2) из показания Сапожникова и, кажется, Астрова. И то, и другое было мне показано в марте 1933 года тов.Сталиным. Кузьмин редко бывал в Москве; мне в свое время (года не помню, что-нибудь около 1931) передавали, что

- 21 -

Кузьмин заявил где-то, что не будет подавать мне руки (за мое партийное поведение), Сапожников всегда занимал особое место: над ним смеялись все, кому не лень, всерьез никто к нему не относился никогда. Это Цетлин прекрасно знает. Более того, во времена оппозиции Цетлин советовал мне держаться подальше от Сапожникова, как "ненадежного" в правом отношении. А в показаниях он Кузьмина и Сапожникова дедает фальшивую и ложь центральными фигурами. Все одно к одному: фальшивая и ложь, на/ В частности никакого совещания Слепков + Сапожников + Цетлин, на котором велся якобы разговор о терроре, вовсе не было.

Что можно сказать насчет "Дворцового переворота"? Да еще двух вариантов? (это Цетлин относит к 1930 г.). Кто же готовил этот переворот? Какие люди были втянуты? Оказывается, что все оказалось мыльным нузырем, по Цетлину. Почему же потерялись "надежды"? Кто пробовал и как их осуществить? Ведь, Цетлин бы прекрасно знал об этом? Ни слова. О терроре ни с кем я никаких разговоров не вел, не вел их и с Ефимом, который об этом рассказывает.

Цетлин хорошо знал, что я всегда боялся даже простой фракционной борьбы, постоянно удерживал от ее развития. Что в самом начале оппозиции у меня было чувство горечи, обиды (я не понимал тогда своей вины), резкой оппозиционности, враждебное чувство к руководству - это верно.. Что я делал легкомысленно - преступные шаги - тоже верно. Что позиция правых в своем развитии привела бы к победе контрреволюции, - все это тысячу раз верно. Но когда теперь пытаются (и Цетлин) изображать дело так, что я был террористом, повстанцем и т.д. - я не могу не протестовать всеми силами;

когда хотят меня изобразить двурушником (за последние годы) - я не могу не протестовать всеми силами; когда меня сближают с подлецами зиновьевско-троцкистского толка я не могу не протестовать всеми силами.

От клеветы всегда что-нибудь остается. Если кому-угодно показать показания Радека и Цетлина и если эти люди не знают деталей хронологии и т.д., они придут в ужас - и понятно; если такие документы показать свидетелям, другим подследственным, подсудимым и т.д., они будут неизбежно итти по этим же дорожкам. Я все это понимаю. Но тем больше я буду давать отпор всему этому потоку. Многие на меня просто злы: я от них давно ушел, их осудил. Так теперь можно легко мстить...

Конечно, после моего разбора при повторных допросах клеветники могут подчистить даты, исправить слабые места. Но это будет фальсификация!

Н. БУХАРИН.

Ночь-утро 12 января 1937г.

Москва